

Игрушка из грязных трущоб

Автор:

[Дана Стар](#)

Игрушка из грязных трущоб

Дана Стар

Он – мой хозяин. Я – его верная игрушка, бездушно отданная в оплату отцовского долга. Он – наркобарон и владелец Грязных трущоб. А я – всего лишь ничтожная зверушка, рожденная для плотских забав.

Кто победит?

Есть ли любовь?

И как мне выжить в логове сущего монстра, у которого в сердце вечный пожар, а на лице... страшная маска.

* * *

– Как тебя зовут?

– Милана...

– А впрочем неважно! Теперь я буду называть тебя «Игрушка».

Добро пожаловать в мою коллекцию, Игрушка! Всю. Одежду. Живо. Снимай. Папочка желает поиграть...

Внимание! 18+ Грубо, эмоционально, аморально! Принуждение, эротика, нецензурная лексика! ХЭ возможен.

Дана Стар

Игрушка из грязных трущоб

Глава 1

– Але, мы приехали! Живо на выход! – кто-то очень громко крикнул мне на ухо, мигом приводя в чувство. Подпрыгнув от неожиданности, я осмотрелась, прикладывая ладони к пульсирующему болью лбу.

Незнакомец всё еще что-то хрипло вопил, но я не обращала внимания на его ярые угрозы, потому что пыталась рассмотреть незнакомую местность из окна тонированного автомобиля. Когда зрение стабилизировалось, мужчина схватил меня за руки и одним резким рывком выволок из джипа, швырнув прямо на асфальт, декорированный плиткой из натурального камня. Удар коленными чашечками о каменную поверхность окончательно вернул затуманенное сознание в привычную реальность. Руки всё ещё были плотно связаны грубым ремнём, который протёр нежную кожу до самых суставов, но уже не в районе поясницы, а на уровне живота. То есть мерзавцы перевязали путы так, чтобы я их видела, чтобы мне было легче двигаться.

– Поднимайся, шалава! Чего разлеглась?! – сильный рывок за волосы, и я снова на ногах.

Боже, сколько у меня уже синяков?

Странно, но я до сих пор не обращала должного внимания на боль, потому что была очень сильно напугана. Меня доставили в логово одного из самых влиятельных криминальных авторитетов мира. К хозяину Грязных Трущоб, владеющему частными плантациями по производству наркотиков, не одной дюжиной ювелирных фабрик и бесчисленным количеством душ безвольных рабов.

К Дамиру.

* * *

Судя по густым сумеркам и полной луне, время было достаточно позднее. Часов одиннадцать-двенадцать вечера. Те же самые упитанные амбалы, не имеющие ни сердца, ни души, грубо тащили меня за волосы, используя локоны в качестве поводка, по идеально чистой дорожке из дикого камня, вдоль плотно высаженных кустарников.

Исходя из визуальных наблюдений, мы находились в экзотическом саду. Или же, если бы я умерла, то в раю. Как жаль, что я всё ещё дышала. Лучше бы меня просто застрелили.

Покинув место парковки, мы направились к огромному многоэтажному дому, со всех сторон освещенному ажурными светильниками. Нет, не к дому. А к самому настоящему замку! При виде которого у меня в горле образовалась пустыня, а дыхание сбилось. Прожив девятнадцать лет на экваторе ада, я никогда не думала, что когда-либо увижу нечто прекрасное. Ни во сне, ни на картинках... ничего более волшебного мне не приходилось видеть, так как выросла я среди мусора и кроме вечного хаоса ничего другого в жизни не знала.

Изумительный сад мы обошли стороной, направляясь к запасному входу в особняк. Голова кружилась от дивных цветочных запахов, а по всему периметру владений эхом витало пение птиц, заставляя моё сердце бешено колотиться в груди. Вероятно, тут обитали павлины.

Хоромы Дамира оказались невероятно огромными, красивыми и сказочно богатыми. Если бы мои руки не были связаны, я бы сто раз протерла глаза и двести раз ущипнула бы себя за щёки, чтобы проснуться. Многоэтажный дом, перед которым расположился удивительный пруд, усыпанный благоухающими лилиями, очаровывал своим великолепием. Кругом зелено, красочно, живописно. Ухоженные газоны, идеально подобранные растения. Тихо, умиротворённо. А оригинальная подсветка создавала дополнительный уют. Сам особняк был построен в золотисто-белых тонах и отделан замысловатыми узорами. Окна – арочной формы. Несколько балконов и одна большая лоджия с мраморными колоннами. Видимо, там находились личные апартаменты Хозяина.

– Хватит пялиться! И рот закрой! Не то весь газон запачкаешь своими соплями! – внезапно, я ощутила резкий толчок в спину, и с ненавистью сжала челюсть до сильного напряжения в скулах.

Добравшись до чёрного входа, амбалы втолкнули меня внутрь усадьбы, утаскивая за собой к кованой лестнице, по которой мы поднялись на предпоследний этаж здания и замерли перед огромными дверями, литыми из чистого золота. Напротив них я увидела двух незнакомцев в черных балаклавах, вооруженных автоматами, которые охраняли покои главного предводителя, окидывая вновь прибывших грозными взглядами.

Один из безликих бандитов, облачённый в кожаную жилетку и дутые шаровары, цвета мазуты, угрожающе направил на нас дуло автомата, выкрикнув вопрос:

– Новенькая?

– Ага! Та самая, которая была обещана в качестве долга, – отозвался Ашот, потрепав меня за волосы так грубо, словно пойманного за уши кролика, хвастаясь уловом.

– Фу... Ну и дрянь! А вы уверены, что Господин именно ЭТО приказал вам доставить? – фыркнул стражник, разглядывая меня с таким отвращением, словно я была не человеком, а куском грязи.

– Уверены.

– М-да уж... Похоже по весне нынче совсем уже крыша у нашего босса того... – в полтона хохотнул безликий, кивая в сторону двери, кивком намекая на то, чтобы мы поторапливались, не толпились у прохода, и проходили внутрь.

– Ах-ха! Да она у него уже давно того... ещё с рождения. А баба, между прочим, ничего такая. Грязная, как свинья, но это дело поправимое, – в разговор вмешался Самир, игриво подёргав бровями, с ног до головы окатив меня озабоченным взглядом. – Но киска у неё волшебная.

– Вы, кстати, как раз вовремя. У Барона вечеринка, – отчеканив это, охранник, взявшись за кольца, служившие дверной ручкой, резко распахнул увесистые

двери, впуская нас внутрь. Точнее, в логово. Самого настоящего бездушного монстра.

* * *

Первое, что я почувствовала – едкий, удушающий запах дыма, от которого моментально начала задыхаться. А первое, что увидела – была просторная, словно музей, комната, неземной красоты, до предела обставленная дорогой мебелью, вазами, картинами и прочей диковиной.

Пол – застелен белоснежным ковром, на окнах – колышутся роскошные шторы из шёлка, ну а по центру хором расположился многоярусный фонтанчик, выточенный из мрамора, с обнаженной нимфой, с грудями, как у кормящей женщины. Однако, вода в фонтане была какого-то странного цвета – жёлтая.

Личные владения Барона от и до были наполнены тяжелым, приторным ароматом, а в воздухе витала белая дымка. Поэтому я не сразу заметила Хозяина всей этой изумительной роскоши, который, развалившись на диване, прямо за фонтаном, лениво жевал виноград, наблюдая за энергичными танцами троих, не то женщин, не то кошек.

Это были действительно женщины. Правда, облаченные в костюмы кошек. Точнее, в костюмы тигриц. Но весьма вызывающие такие костюмы: лосины с пришитыми к ним длинными хвостами, тигровые портупеи, надетые на голое тело, полосатые маски, что скрывали их лица, и, прикреплённые к волосам, словно обручи, ушки. Но самое ужасное было то, что к шеям невольниц были пристёгнуты кожаные ошейники, как у собак, а к ошейникам крепились металлические цепи, концы которых находились в руках... их мучителя.

Наркобарон сидел к нам вполоборота и, кажется, не замечал, что в его покои пожаловали посторонние. Я лишь мельком смогла рассмотреть властный профиль мафиози, оценив некоторые детали его... весьма особенной внешности: хмурый лоб, широкий нос, с орлиной горбинкой, пухлая нижняя губа, верхняя же – тонкая, на подбородке – изысканная ямочка, а скулы – покрыты модно выбритой щетиной.

На его безупречном теле, очерченном грудой каменных мышц, поблескивал дорогостоящий пиджак из шёлка, цвета тёмного шоколада, что был небрежно наброшен на голое тело, а его крепкие ноги облегли шёлковые штаны, низко сидящие на узких бёдрах. Что касается возраста, визуальнo Дамиру можно было дать не более двадцати девяти лет.

Господин был очень красив. И от этой невероятной красоты меня бросило в морозную дрожь, а моё тело превратилось в безвестную вату. Но сердце подсказывало, что эта красота являлась обманной уловкой, с помощью которой данный мужчина вертел глупыми женщинами направо и налево, словно опытный кукловод, разбивая их нежные сердца как хрусталь.

Внешность Дамира притягивала, опьяняла, сводила с ума, окрыляла. Он действовал на меня как наркотик, хотя он ещё даже ни разу не взглянул в мою сторону. Мне вдруг захотелось подойти к мужчине ближе, чтобы изучить его притягательное тело более тщательней, узнать какого цвета его глаза и... какие на вкус его губы.

Так! Стоп! Что за дурацкие мысли?

Видимо, я просто надышалась странных паров, что парили в этой комнате, словно утренний туман над землёй, оттого и брежу. Но как же сразу я не заметила одной пугающей детали? Девушки-невольницы, наряженные в костюмы кошек, прикованные друг к другу цепями, которые отплясывали на столе развратный стриптиз и сексуально двигались в такт ритмичной музыке, были тем ещё пустяком, в отличие от того, на чём расположились ноги Наркобарона. Точнее, на ком.

На живом человеке, выступающим в роли подставки для ног.

Дамир, развалившись на диване, лениво пожёвывал виноград, которым его кормила одна из рабынь – «женщина-кошка», а он, в свою очередь, нагло плевал косточки винограда прямо в спину темнокожего мужчины, что, стоя на четвереньках, молча терпел унижения.

Я почувствовала, как по моему телу пронеслась холодная дрожь. Мне стало очень дурно и душно! Голова сильно закружилось, сердце бешено забилося в груди. Я поняла, что то, что я сейчас увидела – это вовсе не сон, не плод моих

фантазий. А ужасная реальность. И меня, возможно, ожидает похожая участь.

* * *

Ритмичная мелодия больно била по ушам, едкий дым вызывал адское, ни с чем не сравнимое, головокружение. Всё происходило как в кино. Как в замедленной съёмке. И мне бы свято хотелось верить, что я действительно сейчас снимаюсь в фильме, что такого кошмара в современном мире ну просто не должно существовать!

Всё-таки рабство уже давно как отменили...

Но, видимо, некоторым закон не писан.

Внезапно, одним грубым толчком ноги в бедро Дамир оттолкнул от себя «кормилицу виноградом» и, деловито рыкнув, вручил ей в руки кожаную плеть:

– Накажи их!

Девушка нехотя взяла плеть и на трясущихся ногах направилась к столику, на котором полным ходом демонстрировались развратные танцы, а тиран, ехидно улыбнувшись, потянулся к стоящему рядом устройству, по форме напоминающему сосуд, что извергал из себя дым, и полной грудью втянув содержимое устройства через трубку в рот, он снисходительно выпустил кольца белого дыма на вспотевшую спину мавра.

Подобная бездушность со стороны мерзавца вогнала меня в еще больший шок. Танцовщицы нервно замешкались, глядя на плеть. Но, переключив внимание на ухмыляющегося Господина, всё же продолжили двигаться, стараясь не обращать внимания на боль... когда первый удар хлыста обрушился на их обнажённые груди.

– Сильней! – скомандовал деспот, хлопнув в ладоши, и рабыня ударила плетью танцовщиц ещё несколько раз.

Девушки взвизгнули, но всё равно продолжали стоять на ногах, двигаясь в такт музыке.

– Ещё сильнее! – голос Дамира кипел от власти, как лава извергающегося вулкана.

Ещё несколько сильных ударов кнута, и лица девушек увлажнились слезами, а их тела покрылись красными ссадинами.

С каждым новым ударом он требовал бить всё сильнее и сильнее, пока одна из рабынь не оступилась и не упала на пол. После чего монстр довольно захолопал в ладоши и, неожиданно, повернулся в мою сторону. Наши глаза встретились.

Пламя и лёд.

День и ночь.

Жизнь и смерть.

Все это отразилось в таких разных и таких противоположных взглядах, когда мы... впервые увидели друг друга.

* * *

Мне казалось, что я умерла и попала в ад, к самому настоящему кровожадному демону, питающемуся человеческой плотью, болью и страданиями. Но самым ужасным в его внешности был не редкий, с огненным отливом цвет глаз, а МАСКА, выкованная из серебра, скрывающая ЛЕВУЮ ПОЛОВИНУ его лица.

Что? Маска? Зачем? Почему его лицо скрыто маской?

Точнее не всё лицо. Лишь левая часть.

Счастливая улыбка Дамира вмиг исчезла из его губ, и он одобрительным кивком приказал охранникам подойти ближе.

– Новенькая? – голос Барона охрип, а в чёрных, как ночь глазах, сверкнули яркие искры интереса.

– Д-да, Господин! – ушлёпки грубо толкнули меня в спину. Так, что я, не устояв на ногах, неуклюже упала на пол.

– Ублюдки! Только не на мой любимый ковёр!

Я вздрогнула и начала молиться, когда его хриплый рык, будто раскатистый гром, на миг оглушил мои уши.

– П-простите! П-простите! – те грозные терминаторы, словно малые дети, упали перед тираном на колени, моля о пощаде, но перед этим, быстро столкнули меня с ковра. – Вы в-ведь приказали сразу к в-вам доставить. И-или надо было с-сначала отмыть?

Почесав свою шелковистую щетину, мужчина призадумался, продолжая жадно трахать меня взглядом, и через пять секунд ответил уже более спокойным тоном:

– Нет. Не надо в банную. Кажется, её грязнота... выглядит интересной.

Его слова – как пули. Он будто не общался со мной, а расстреливал в упор. Из пистолета. Слово – выстрел. А я умираю. Долго. Медленно. Мучительно.

«Грязнота...»

«Интересной!»

Да он просто сумасшедший псих и извращенец! Он – самая страшная ошибка природы, за период существования нашей планеты.

– Значит так! Кошек – обратно в клетки, темнокожего – тоже на хер. Хочу хорошенько новую игрушку осмотреть!

Что?

Как он меня назвал?

Игрушку...

Игрушку, мать его?

Боже!

Помоги...

Глава 2

Опустив голову в пол, сжавшись в ничтожный комок, я слышала, как его, начищенные до кристального блеска ботинки, ступили на дорогой мраморный пол и, отцокивая мелодию власти, направились в мою сторону. Но перед тем, как мужчина встал с дивана, я услышала звонкий шлепок, после которого нечто тяжелое, звякнув цепями, с грохотом опрокинулось на пол. И тогда я поняла, что Дамир всё-таки ударил темнокожего раба, у которого на спине, помимо пояса из ржавых цепей, имелись многочисленные шрамы, порезы и ожоги.

В этот миг задорная музыка стихла. Смолки и хнычущие рабыни, забившись под столом, наигранно плясавшие минутой ранее. Звук шаркающих шагов раздался в полушаге от меня. Я, не дышала, не моргала, не двигалась. Лишь нервно пыталась проглотить в пересохшем горле застрявший ком страха, что мешал мне дышать, и мысленно приготовилась к самому худшему.

– Посмотри на меня, – холодный, словно северно-ледовитый океан голос, могучим цунами обрушился на моё тело, заставляя моментально подчиниться.

И я посмотрела. Но только не в глаза тирану, а куда-то в область лба. Потому что его дьявольские глаза пугали меня едва ли не до сердечного приступа. Как и пугала его маска из серебра, инкрустированная изумительными драгоценными камнями.

– Какого хера? – губы мужчины обнажили хищный оскал, а кулаки сжались до белизны в суставах. – Кто, сука, посмел прикоснуться к моей собственности?

Запахло нечистотами. Похоже, наёмники от страха наложили в штаны. Теперь всё внимание главного было приковано к подчиненным.

– П-простите, Господин! У-умоляю! П-простите. Девка сопротивлялась... т-так получилось! – один из бандитов, опустившись на колени, подполз к Дамиру и носом уткнулся в его идеально чистые туфли.

– Это ты сделал? – Наркобарон даже покраснел от гнева.

Каждое действие, каждое слово, каждый малейший звук не на шутку нервировали Дамира.

Невероятно! Здоровила-бугай, вооружённый до самых ушей, расплакался как грудной ребёнок перед безоружным мужчиной, что на две головы был ниже него самого.

– Руку давай. Правую, – холодно приказал Барон.

– Н-нет! Молю! С-смилуйтесь! – наёмник забился в истерике.

В надежде на помилование, он несколько раз поцеловал туфли Господина. Но Дамир лишь брезгливо поморщился.

Резко оттолкнув подчинённого в сторону, он гласно гаркнул:

– Сатир!

В комнате тотчас же появился тот самый охранник, дежуривший на входе, в чёрной маске и в кожаной жилетке, надетой на голое тело.

– На стол его. Накажи. За то, что посмел прикоснуться к тому, что по праву принадлежит мне.

После этой жуткой фразы в груди больно заныло, а в глазах защипало. Поверить не могу, что он реально собирается сделать ЭТО.

Прямо здесь.

Прямо сейчас.

Прямо на моих глазах.

Утопая в собственных слезах, я опустила голову в пол, жалея о том, что мои руки были связаны, и я не успела вовремя закрыть уши. Потому что тот отчаянный вопль провинившегося наемника я буду помнить вечно...

Как ассоциации с нашей первой встречей.

Встречей ангела с демоном.

* * *

– Встань. И подойди.

Когда душераздирающие крики смолкли, Дамир снова обратился ко мне. У меня с трудом дышать получалось... а он встать попросил. С первой минуты нашего «знакомства» я сразу же уяснила одно – что злить его не следует ни в коем случае.

Крепко сжав дрожащие руки в кулаки, медленно, но уверенно, я поднялась с пола, шаг за шагом потихоньку передвигая ногами, направилась к мужчине.

– Умница, – тихонько похвалил, и настроение тирана мгновенно улучшилось. Словно ничего и не было. Словно тут минутой ранее никого не лишили руки.

Совершенно случайно я имела глупость посмотреть на место наказания – на журнальный столик. Который, в настоящий момент, напоминал разделочную доску. С которого, прямо на пол, тонкими струйками стекала красная жидкость.

При виде этого ужаса, меня практически вывернуло наизнанку.

Но благо я не успела купить тот желанный кусок хлеба, о котором мечтала несколько дней. Если бы съела – получила бы обратно. Тогда на том столике осталась бы и моя рука тоже.

Слухи оказались правдой. Главный мафиози трущоб не славился добродушием. Он был болен. Конкретно болен! Особым психопатологическим недугом.

Пока я пыталась прийти в себя после увиденного, в хоромы появились девушки-уборщицы, которые со спокойными выражениями лиц принялись отмывать стол от алых следов расплаты, предварительно выбросив в урну отрубленную человеческую руку. Мне показалось, что подобное дело было для них привычной работой. Их лица напоминали бесчувственный бетон. А в глазах не было и намека на слёзы. Вероятно, они столько всего ужасного тут натерпелись, что уже выплакали все свои слёзы на несколько лет вперёд.

Пока девушки занимались уборкой, Дамир взял бокал со стола и направился к фонтану, в то время как я продолжала притворяться сильной, перешагивая через страх, ломая себя, не обращая внимания на душевную боль.

Зачерпнув воду из фонтана, мужчина одним залпом осушил содержимое бокала, довольно выдохнув. И тогда я поняла, что в фонтане была вовсе не вода, а алкоголь.

– Знаешь ли ты, грязная потаскушка, почему находишься в моих хоромы? – он снова продолжил жрать меня своими страшными, чёрными как бездна глазами, словно в мыслях уже вырисовывал самые ужасные планы на моё тело и душу.

– Н-нет. Н-не совсем, – я не узнала собственный голос. Он звучал так, будто мне наступили на горло.

– Твой отец продал тебя. За дозу.

Сказать, что я была удивлена? Значит ничего не сказать.

На самом деле я не почувствовала ни капли удивления и на все сто процентов поверила похитителю.

- Понятно, - даже и спорить не собиралась. А смысл?

Что может маленькая и хрупкая мышка в лапах свирепого и хищного льва?

- Не удивлена? - его идеально красивые брови выгнулись дугой.

Отрицательно махнула головой.

- Хм... Знаешь, если бы мой отец продал меня за сраную дозу отменной дури, я бы лучше бросился под поезд. Зная, каким неудачником мне «посчастливилось» родиться. Наверно, это так унижительно... осознавать предательство родного человека? - мужчина оскалился, обнажив идеально белые зубы и наполнил ещё один бокал из недр фонтана. - Интересно, и как ты себя сейчас чувствуешь? Понимая, что тебя тут вовсе не полы заставят драить. А выполнять куда более унижительные вещи, расплачиваясь за ошибки предков.

Я нервно сглотнула, пытаюсь не реагировать на гадости бандита.

Мерзавец просто проверяет силу моего характера. Пытается унижить, вывести из себя, запугать. Чтобы легче было манипулировать новой игрушкой.

Чтобы не расплакаться, я ещё сильнее сжала руки в кулаки и тихонько шепнула:

- Может он и не был моим отцом.

Это прозвучало настолько жалко и ущербно, как оправдание.

В первую очередь, для самой себя.

- Ах, да! Верно! Твоя же мать была шлюхой... И неплохой, кстати. Мои ребята часто нахваливали её заслуги. Но, видимо, перехвалили.

Терпи!

Терпи!!

Терпи!!!

Не реагируй... Умоляю!

– А отец – рабом на плантациях. Адский вышел коктейльчик! – губы Дамира растянулись в надменной улыбке.

Его настолько сильно забавляли издевательства над рабами, что я подумала, что вот-вот и он получит моральный оргазм.

– Но знаешь что, твоя глупая мамаша совершила огромную ошибку! Родив тебя втайне. ВТАЙНЕ ОТ МЕНЯ! – оглушающий рык мужчины эхом вознёсся к потолку огромного зала, заставляя моё сердце безжизненным камнем удариться о рёбра. Я услышала звонкий треск над головой, раздавшийся в сантиметре от моей макушки, и невольно вскрикнула, закрывая голову трясущимися руками, ощущая острые осколки от стекла в спутанных волосах.

Дамир, находясь на пике бешенства, бросил в меня фужер. И он бы попал точно в цель. Если бы пожелал.

– Так что не удивляйся её внезапной смерти. Как и смерти отца. – Монстр в маске уверенным шагом двинулся в мою сторону, а я, отступив на шаг назад, вжалась лопатками в колонну. – Ведь тайна всегда становится явью. Ничто в моей империи не должно быть скрыто! От меня... Даже рождение очередной никчёмной шлюшки.

Дамир принялся медленно расхаживать вокруг моей оси, одержимым взглядом раздирая в клочья мою поношенную одежду. Этот жгучий, как яд взгляд, будто ломал кости и оставлял ожоги на коже. Он словно хищный питон неторопливо окольцовывал свою жертву, намереваясь сначала её задушить, а затем – проглотить.

Внезапно, в руках тирана появились некие бумаги. Насытившись моим страхом, он властно махнул ими перед моим носом, отчеканив:

– Если не веришь, вот договор о передачи собственности. Сначала твой отец предложил мне вашу халупу. Но на что мне то, что и так по праву моё? Я

отказался. Тогда, чтобы спасти собственную шкуру и получить заветную отраву, от нехватки которой у него в любую минуту мог начаться припадок, твой папочка показал мне тебя. Маленькую, аппетитную красотку, с прекрасными волосами цвета кофе, играющими рыжеватыми бликами на солнце и глазами оттенка весеннего неба перед дождём. Разумеется, я едва не сошёл с ума от желания обладать настолько редкой игрушкой. Но знаешь как, порой не все игрушки хотят добровольно играть с их владельцами. Приходится ломать. Жестоко и насильно. Поэтому я бы не хотел портить шрамами и увечьями столь дивный экземпляр вроде тебя, который твой папочка пообещал мне добровольно. А ведь он обещал заранее подготовить свою дочурку к важной миссии, предназначение которой – ублажать назначенного ей судьбой Хозяина. Везде и во всём.

– Кретин, – я не выдержала. Выругалась. Но сказала это очень тихо. Одними губами, спрятав лицо в волосах.

– Правда ждать я не стал. Не люблю, знаешь ли, ожидание. Нервирует... Поэтому немного перебрал с дозировкой и намеренно отправил твоего папочку к мамочке.

Дамир сделал паузу, оценивая мою реакцию.

– Всё по-чесноку, кисонька. Ты – моя. На законных основаниях. Так как до двадцатилетнего возраста по нашим законам ответственность за чад несут их родители. Но если ты не подчинишься по-хорошему – тебя ждут большие проблемы. А мне бы не хотелось лишний раз марать руки и портить прекрасные внешние данные новенькой безделушки. А вдруг я пожелаю продать твою дырочку другому? Со шрамами, знаешь ли, товар обесценивается. Так что выбирай... Либо по-хорошему... Либо – по-плохому.

На последней фразе он снова оскалился и свирепо зарычал, пробуждая в моём теле всё новые и новые волны страха.

Да уж. Какой тут может быть выбор?

Мне конец.

* * *

Когда комната очистилась от алых следов расплаты, а прислужницы, вместе с «женщинами-кошками», которых, словно собак на цепи, вывел тот самый охранник, по имени Сатир, покинули покои главного, Дамир, хлестнув меня острым взглядом бездонно-чёрных глаз, снова кого-то позвал:

– Завир!

И в комнату влетел немолодой бородатый мужчина в белом жакете, длиной чуть ниже колен, в шароварах, с белым тюрбаном, намотанным на седую голову:

– Звали, Господин?

– Проверь её, – мучитель вальяжно клацнул пальцами.

– Будет исполнено, Господин! – седоволосый откланялся.

– Проверь, девственница ли? – уточнил Хозяин.

– Пойдём, милочка, – старик недовольно сморщил нос, оценивая запах моей «маскировки».

– Нет! Прямо здесь и сейчас. Моё терпение на исходе! Я хочу поиграть. Немедленно!

Что он имеет в виду?

Но прежде, чем я успела о чём-либо подумать, пожилой мужчина по имени Завир резко схватил меня за плечо и развернул лицом к колонне. Коленом вжался между ног, попытался раздвинуть их пошире, вынуждая меня невольно всхлипнуть. Боковым зрением я видела, как седовласый натягивает на свои руки латексные перчатки.

Звук тянущейся резины.... Мне стало дурно. И невыносимо жарко. А Дамир, присев на бортик керамической чаши фонтана, деловито закинув ногу на ногу, взглядом голодного хищника наблюдал за моим позором, когда пожилой

незнакомец, брезгливо стащив с моего впалого живота штаны, пытался нащупать промежность.

Господин не отличался терпением. Поэтому, громко цыкнув, он выплюнул новый приказ:

– Только не надо упрячиться, девочка. Наклонись, раздвинь ноги и расслабься. Привыкай. Скорой это простое действие станет для твоей грязной задницы обычным делом.

Припав лбом к холодной опоре, я закрыла глаза, мечтая об одном – просто раствориться в воздухе. Не прошло и секунды, как там, между ног, я ощутила мерзкие прикосновения пальцев Завира, которые уже успели проскользнуть в тесные девичьи глубины на пару сантиметров внутрь, отчего мне стало некомфортно и даже немного больно.

– Ну? – Хозяина распирало любопытство.

– Слишком тугая, Господин, – подданный отчеканил заключительный диагноз.

– М-м-м... Великолепно! – губы Дамира растянулись в победной улыбке. Ведь именно он станет первооткрывателем, который наградит меня статусом женщины... и, конечно же, статусом «постельной тряпки».

– Что прикажете делать дальше? – поинтересовался врач.

– Выметайся. Но через двадцать минут снова явись. Когда я закончу с девчонкой – заберёшь её на осмотр и приведёшь в опрятный вид.

Быстро натянув штаны на обнаженные ягодицы, я прижалась лбом к стене, пытаюсь не расплакаться. Мне уже было всё равно даже на то, с какой одержимой жадностью Дамир смотрел на мои голые ягодицы, как и на то, с какими стараниями старый извращенец проталкивал внутрь меня свои мерзкие пальцы. Я хотела лишь одного... Чтобы моё сердце остановилось, и я не испытала тех сумасшедших мучений, которые мне были уготованы в будущем.

– О, забыл сказать, Господин. На промежности девчонки я обнаружил засохшее семя. Вот только не могу понять... Она же всё ещё девственна, как так получилось? И анальный проход никогда не использовался для половых сношений.

– Вот твари! Какая-то гнида всё же успела поглумиться над моей собственностью! Пусть хоть и поверхностно. Разузнай и накажи!

– Слушаюсь, – Завир, уважив Хозяина низким поклоном, быстро выскользнул из комнаты. А Дамир, откашлявшись, поспешил ко мне.

Глава 3

– Как твоё имя? – когда мы остались одни, чудовище приблизилось ко мне на предельно близкое расстояние, а я, задержав дыхание, старалась не смотреть в жуткие глаза мучителя, которые выглядели страшнее самого страшного ночного кошмара, не говоря уже о странной маске, скрывающей половину его лица.

Я понимала, что если не дам ему то, что он просит, и то, что велит, мне явно не поздоровится. Поэтому старалась выполнять абсолютно все прихоти бандита.

– Милана, – тихонько всхлипнула, не признав собственного голоса.

– А впрочем, неважно, – он приблизился ещё на один шаг. Я почувствовала его ледяное дыхание на своих потрёпанных волосах, а Дамир хищно оскалился. – Теперь я буду звать тебя ИГРУШКА.

Кажется, словно земля растворилась под моими ногами и меня затянуло в бездну, ставя жирную точку на былой жизни. Прежняя жизнь была ничуть ни лучше теперешней, но она хотя бы находилась в моих собственных руках. И у меня было имя. Но, начиная с этого момента, я превратилась в ничто.

– И сейчас, игрушка, мы немного поиграем, – холодная дрожь пробежала по всему телу, когда мужчина резко вцепился в мои волосы и потащил к фонтану.

Ноги заплетались, не слушались, подкашивались. А сердце – гроыхало где-то в горле, превратившись в несмолкаемый автомат.

– Знаешь что, твой убогий внешний вид нереально заводит, – шипит мне в ухо так, что его горячее дыхание, с запахом алкоголя, обжигает кожу, и неожиданно кончиком влажного языка облизывает мочку. – Поэтому, в первую очередь, я предпочитаю отодрать тебя прямо в твой грязный рот. А уже потом, после предварительной дезинфекции, получить всё остальное, – Дамир подталкивает меня к фонтану, выплевывая приказ за приказом. – Сними куртку!

Я медленно тянусь к застёжке, дрожащими руками пытаюсь нащупать молнию. Но руки будто окаменели, отказываясь подчиняться хозяйке.

– Да что ты там возишься? – он резко хлопает меня по рукам и со всей дури разрывает молнию, силой своего физического превосходства превращая одежду в рваньё.

Куртка падает на пол, а я, скрестив руки на груди, прикрывая свои самые сокровенные места, остаюсь в одной застиранной майке на голое тело, нижний край которой едва доходит мне до уровня пупка. Так унижительно я себя ещё никогда не чувствовала.

– Ох, какие мы стеснительные! – Барон ехидно расхохотался. – Убери руки и дай мне тебя рассмотреть.

Не нужно было повторять дважды. При угрожающем тоне его голоса они произвольно шлёпнулись «по швам», а тело буквально подбросило от дрожи, что накатывала по коже мощными цунами. Кажется, мои бледные щёки запылали всеми оттенками красного, когда мужчина увидел мою грудь – круглую, аккуратную троечку, с твёрдыми, бледно-розовыми сосками-ягодами, отчётливо виднеющимися сквозь полупрозрачную ткань топа. Если бы я не страдала анорексией, скорей всего, мои формы выглядели бы более пышно и более объёмно.

– Х-м-м... – почесав подбородок, Дамир призадумался. – Сколько тебе? Девятнадцать? Но развита ты не по годам. Особенно твои аппетитные яблочки, несмотря на твою болезненную худобу.

Неожиданно его холодная ладонь с силой сжала правую грудь, отчего я резко прикусила собственный язык. Но, вопреки всему, я продолжала терпеть и не сопротивлялась. У меня не было выбора. Я прекрасно это понимала.

Ещё несколько секунд он пожирал меня безумным взглядом, пристально изучал каждый сантиметр моего тела, периодически надавливал пальцами на твёрдую ореолу соска, а затем вдруг властно приказал:

– Подойди к фонтану, умойся и прополощи рот.

Не знаю, какой чёрт меня укусил за язык, но я осмелилась съязвить деспоту. И моментально пожалела.

– Я не пью алкоголь.

В этот момент я стояла спиной к мучителю и лицом к фонтану, в шаге от «воды». Как хорошо, что я не видела того, насколько резко изменилось выражение лица Дамира, а его давящая энергетика жестокости мощной бурей ударила мне в спину.

– ЧТО?? Отказывать смеешь? МНЕ? Твоему, блять, Хозяину?! – грубые руки вцепились в мои волосы и прежде, чем я успела сделать глубокий вдох, ублюдок толкнул меня в фонтан, резко окунув с головой в жидкость.

Я думала, что моё сердце остановится, или что я потеряю сознание от страха. Вся моя жизнь, словно немое кино, пронеслась перед глазами, когда едкая, обжигающая кожу жидкость, подобно кислоте, заполонила собой ноздри и я начала задыхаться, отчаянно барахтаясь в липкой жиже. Ещё пару секунд... и моё сознание настигнет клиническая смерть.

Стоило только подумать о смерти – мужчина моментально вытащил меня обратно на поверхность, предварительно намылив лицо шершавой ладонью, чтобы избавить кожу от засохшей грязи, пота и крови от побоев.

– Запомни, Игрушка, сопротивляться бессмысленно. Я. ЕСТЬ. БОГ.

И «Бог» развернул меня к себе лицом, пытаюсь задушить одним лишь своим диким взглядом ядовитых глаз, в которых бушевал настоящий ураган ярости. Я тяжело дышала, дрожала и похрипывала. Я старалась не смотреть в лицо нависшей надо мной смерти, которое наполовину было скрыто серебряной маской.

– Я не думал, что ты так быстро проявишь строптивость. Но мне это, знаешь ли, чертовски нравится – укрощать строптивых шлюх. Становись на колени! Живо!

Остолбев от шока, я растерялась. Моя медлительность разгневала Хозяина. И Дамир мне помог – отвесил подсечку. Но я не упала. Мужчина ловко подхватил меня за плечи и, словно пластилиновую куклу, поставил перед собой на колени. Таким образом, что теперь моя голова находилась на уровне его бёдер.

Одной рукой – он схватил меня за волосы, а другой – быстро расстегнул ширинку брюк, которая уже выпирала огромным холмом. Запустив руку в трусы, Дамир извлек из трусов свой огромный, эрегированный член. Толстый, властный и большой, с отчётливо виднеющимися жилками на розовато-смуглой коже, он был полностью готов к дикому, животному сексу. Но самой интересной деталью «внешности» члена, были металлические шарики пирсинга, сверкающие в области тяжелой и уже влажной от смазки головки.

Я забыла, как дышать, как говорить, и как кричать... Ему даже не пришлось повторно прикрикивать, чтобы я открыла рот. Он решил взять меня силой.

– Впечатляет? Не правда ли? – Дамир наслаждался каждой секундой моего позора и своего превосходства.

Осознав постыдность данной ситуации, я плотно сжала челюсти, надеясь, что это спасёт мой маленький рот от неминуемой участи. Усмехнувшись, Барон резко схватил меня за подбородок, грубо надавил двумя пальцами на скулы и хрипло рыкнул:

– Сама откроешь? Или помочь? Учти, будешь сопротивляться – будет больнее.

Испугавшись, я утвердительно кивнула, чувствуя, как кожу в области нажимов обжигает диким огнём от силы его жёстких прикосновений.

– Хорошо. Послушная игрушка.

Мне хотелось разрыдаться от унижения, боли и отчаяния. Но больше всего – хотелось оторвать ему яйца и скормить их свиньям.

– Открывай шире!

Но как бы я не хотела – не получалось. Страх полностью сковал моё тело, начиная от кончиков волос, заканчивая кончиками ногтей. Тогда насильник решил действовать самостоятельно – всунул свои грёбанные пальцы в мой рот, открыв его на максимум. Решив поглумиться перед трахом, Дамир несколько раз шлёпнул меня горячим членом по лицу, продолжая ухмыляться акульим оскалом до самых ушей.

По ощущениям меня будто бы огрели распаренным утюгом. Ещё пара таких вот унижительных шлепков, и через секунду в мой рот будто врезался бронированный танк. Отчаянно взвизгнув, я попыталась отстраниться, чтобы как можно быстрее избавиться от этого дискомфортного ощущения. Но крепкая хватка в волосах не позволяла мне этого сделать. Мужчина держал меня властно и сильно, словно собаку, используя локоны в качестве поводка.

Ещё пару секунд, и меня вырвет. Ещё хоть один толчок, и он сломает мне челюсть. Боже! Насколько же он огромный...

– Ш-ш-ш, расслабься! – Дамир нежно погладил мои напряжённые скулы, – Привыкай, лапочка, привыкай... Теперь это будет одна из твоих обязанностей. Учись. Набирайся опыта. Если ты меня удовлетворишь и мне понравится, я буду щедр на подарки, и даже выделю тебе личную комнату в награду за старания.

Интересно, он это всем своим шлюхам говорит, когда впервые имеет? Или только я особенная?

– И не вздумай укусить! Сразу же брошу на перевоспитание своим парням. А они, уж поверь, не будут долго нежиться. Усекла?

В ответ я покорно кивнула, чувствуя, как мои губы буквально растягиваются и трещать от перенапряжения, будто резина. А ещё я почувствовала, как

металлические шарики пирсинга уверенно скользнули вдоль языка, оставляя на рецепторах привкус металла и неприятную прохладу.

После строгого предупреждения, Дамир совершил первый толчок.

Толкнувшись резко, грубо, практически на всю длину, будто пытался достать до самого желудка, так дерзко, что на моих глазах брызнули новые слёзы.

– Расслабься.

Я попробовала сделать то, что велел мне бандит – стало немного легче. После чего Дамир, хрипло выдохнув, плавно заскользил внутри моей глотки членом, совершая властные, уверенные толчки, постанывая, тяжело вздыхая, придерживая за волосы, своей резкой хваткой задавая ритм движениям.

– Какая же ты сладкая! Хоть и как помойка – грязная! – с каждым новым рывком он двигался все быстрее и быстрее, пока я не ощутила, как его титанического размера орган напрягся, окаменел ещё больше и ритмично запульсировал, вливая в моё горло тёплую, солоноватую на вкус жидкость.

Кончил он очень быстро, излившись до последней капли вглубь моего рта. Отдышавшись, не вынимая член наружу, мужчина властно приказал:

– Теперь глотай.

Это было ещё страшнее, чем просто взять в рот. Я боялась, что меня вырвет. После того, как он вытащил свой огромный агрегат из моего рта – я сглотнула. Проглотив сперму, я ощутила, как желудок сжался от тупого, болезненного спазма. Наверно, обрадовался, надеясь, что это еда. Я ведь несколько суток ничего не ела!

– Для первого раза волшебно! – Дамир радостно улыбнулся, кончиком большого пальца стёр капельку влаги с моих, пылающих пламенем губ и... жадно облизал перепачканный палец.

После оргазма Господина я продолжала стоять на коленях со связанными руками. Меня трясло и колотило. Тело шатало в разные стороны, а перед

глазами всё плыло и вращалось как на каруселях. Крепко удерживая мои волосы, мужчина смотрел мне в глаза и улыбался. Благодаря этой звериной хватке, я до сих пор находилась в сознании. Боль отрезвляла. Слава небесам, оральные мучения на этом закончились, но вот словесные... только начинались:

– Скажи, а ты когда-нибудь видела член?

Я отрицательно качнула головой.

– Поверить не могу? Я что, первооткрыватель? – выпучив глаза, он развёл руками в стороны и удивился. – Испугалась?

Очень. Говорить я не могла. Горло саднило и чесалось, будто после затяжной ангины. Лишь кивала. Но Господин не выглядел разгневанным. Напротив, деспот искрился от счастья. Болезненного такого счастья...

– Мастурбировала когда-нибудь?

Снова отрицательно крутнула шеей.

На самом деле соврала. Мастурбировала! И не раз. Когда по ночам смотрела эротическое кино для взрослых по телевизору после полуночи. На самом деле я очень любила экспериментировать, изучать собственное тело и познавать новые ощущения.

– Значит, у нас тут объявилась скромная, серая мышка? Большая редкость, как ни странно. Десять лет прожить в трущобах и до сих пор не лишиться плёнки? – с этими словами Дамир наконец-то оставил мои волосы в покое и рывком вздёрнул на ноги, – Ты... многого стоишь. И ты... теперь моя вещь, – так же резко оттолкнул меня прочь, снова пряча в штаны свой ненасытный автомат, которым он только что отстрелялся до самого последнего патрона. А затем, расправив невидимые складки на дорогой одежде, с полным безразличием направился к выходу из покоев.

Всё, о чём я сейчас мечтала – хорошенько прополоскать саднящий рот и вдоволь проплакаться. Через пять секунд после ухода главного, в комнату вошёл тот самый лекарь Завир в сопровождении вооружённого головореза.

– Идём, милочка. Хозяин велел тобой заняться.

Сначала я подумала, что меня пустят кругом, развлекавая остальных нелюдей, охранников, например, но старик, ухватив меня за локоть, быстро потащил меня прочь из покоев Главного.

Мы спустились на нулевой этаж особняка. Подвальное помещение, в отличие от хором Барона, оказалось весьма убогим, достаточно тёмным и довольно прохладным. По пути нам встречались какие-то люди в одинаковых одеждах, которые суетливо бегали по коридору, выполняя разного рода работу.

Две немолодые женщины в простых серых платьях приняли меня из рук Завира и втолкнули в небольшую комнату, окутанную белым туманом, в которой пахло пряными травами. Под пристальным вниманием охранника, они грубо запихнули меня в чан с водой, что стоял в центре помещения, и без капли нежностей, принялись намыывать и натирать моё тело мочалками, не позволив даже снять одежду. Ощущение было таким, словно мою нежную кожу не мылили, а драили наждачной бумагой.

– Тряпки снимай! – гаркнула одна из рабынь, полноватая шатенка.

На что я, испугавшись, лишь упрямей скрестила руки в области груди.

– Дура тупая! Даже после жесткого траха в горло ты не уяснила, что тут не существует такого понятия как «нет»? – хохотнула вторая дамочка с темно-рыжими кудрявыми волосами, и плеснула мне в лицо ледяной водой из ржавого ведра.

Я до сих пор не могла смириться с тем, в какое ужасное место попала. Не дожидаясь добровольного подчинения, ко мне тотчас же подскочил охранник и грубо разорвал на мне одежду, прямо в воде. Усмехнувшись, бандит продолжил внимательно следить за тем, как эти наглые курицы, подобно диким коршунам, набросились на моё тельце, и живьём принялись сдирать с меня кожу своими

железными мочалками.

Извращенки, не стесняясь, щупали мою грудь, бедра, ягодицы, трогали мои интимные места, к которым я ещё никому и никогда не позволяла прикасаться. Боковым зрением я заметила, как надзиратель, и тот приспустил штаны и, глядя на всю эту сумасшедшую картину, бесстыже наяривал в углу свой толстый член, с большими круглыми яйцами, не моргая, часто дыша, не сводя с меня жадного взгляда.

От отвращения я крепко зажмурилась. Правда, этот раздражающий хлюпающий звук, во время активной мастурбации, начал действовать мне на нервы. Никого, кроме меня, похоже, не смущала его наглое самоублажение. Жабы в серых обносках намеренно пытались возбудить развратника ещё больше. Измотанная, истощённая, голодная, я не могла дать им отпор и окончательно сдалась, позволяя женщинам безжалостно щупать мои соски, ягодицы и промежность.

Когда ублюдок в чёрной маске застонал, спуская прямо на пол, рабыни велели мне вылезти из таза и одеться. Из одежды полагалось такое же как у них мешковатое платье, пошитое из грубой ткани, серого цвета, которое в области талии подвязывалось тонким пояском, а на ноги я надела балетки на полтора размера больше привычного. А вот бельё мне не выдали. Ссылаясь на то, что якобы рабыням оно ни к чему.

В банной комнате находилось разбитое зеркало. Взглянув в отражение, я не узнала себя. Грязь отмылась, волосы блестели, а кожа выглядела идеально гладкой, нежной и мягкой. Уже и не помню, когда в последний я принимала раз ванну. В прошлом году, наверно. Поэтому и забыла, как я выгляжу на самом деле, без маскировки из глины и сажи.

Закончив с уборкой, женщины велели мне следовать за ними на кухню. Но неожиданно, у самого порога банной, тот самый охранник, который подергивал на меня минутой ранее, резко преградил мне путь. Грубо схватив за ягодицы, он толкнул меня лицом к стене, грозно зарычав на ухо:

– Какая же ты, сучка, аппетитная... Жаль, что не моя! Очень прошу, сопротивляйся, борись, дерись изо всех сил! Сделай всё, чтобы наш босс отправил тебя на «продлёнку». Ах-ха-ха! Буду ждать с нетерпением... С удовольствием стану одним из твоих, сука, воспитателей.

С этими словами, ублюдок меня укусил. За мочку. Немошно забившись в истерике, обнимаясь со стеной, я попыталась высвободиться и не потерять сознание от отвратительного запаха. Запаха пота и травы, смешанного с запахом несвежего дыхания. Напоследок, отвесив шлепок по бедру, мерзавец вытолкнул меня в коридор.

Я не знаю точно, что бандит имел в виду под этим словом «продлѐнка», но явно ничего хорошего. Я поняла лишь то, что если оступишься – тебя ожидает страшное наказание.

И это... даже не порка. А куда более болезненное действие.

* * *

На кухне меня ждал настоящий сюрприз: тарелка супа, два куска хлеба и... сочный мясной стейк!

Ох... Да я готова была душу Дьяволу продать за один лишь кусь от этого божественного деликатеса. Наконец хоть что-то приятное случилось за этот паршивый вечер.

– Новенькая? – на кухне меня встретила незнакомая женщина с пышными формами, тѐмно-русыми волосами, спрятанными под белоснежным чепчиком, облачѐнная в серое платье с передником.

– Д-да, – шепнула, даже не посмотрев на собеседницу.

Все моѐ внимание было приковано к этой восхитительной пище. Горячей, ароматной, сочной...

– Чего стоишь? Жри давай! – хмыкнула повариха, ставя передо мной табуретку. – Я Роза. Повариха.

Плюхнувшись на стул, я быстро схватила ложку, и меньше, чем за полминуты вылизала тарелку до самого донышка. Стейк решила оставить на десерт.

– Милана, – прожевав, коротко ответила.

– Похоже, понравилась ты Господину, раз он распорядился выделить для тебя такую стряпню. Ещё и мясо в придачу.

Приятное тепло растеклось по пищеводу, когда первая капля супа достигла желудка. И настроение моментально улучшилось. Сперва я немного полюбовалась, понюхала, лизнула угощение, оттягивая удовольствие... А затем, словно дикий зверь, жадно вонзилась зубами в мясо, разделавшись с добычей за пару секунд.

– Ммм, как вкусно! Спасибо, – облизав ложку и обе тарелки, подобрав со стола крошки, я искренне поблагодарила женщину. – Ничего вкуснее в жизни не ела. Что это?

В этот момент дамочка что-то увлеченно стряпала на плите, помешивая деревянной ложкой ароматное варево в глубокой кастрюле, но, услышав вопрос, прервалась:

– Собачье бедро.

Твою ю ж...

Если бы я не жила в трущобах – меня бы вывернуло наизнанку. – Но обычно, такую шваль вроде тебя, кормят крысами, – с ехидной усмешкой на непривлекательном лице добавила кухарка. – Теперь, когда ты поела, я отведу тебя в «опочивальню». А рано утром тебя ожидает осмотр у Завира и встреча с Господином.

При мысли о повторном «свидании» с Дамиром меня начало трясти. Да что там о встрече... от одного только страшного имени «Дамир» я была близка к нервному срыву.

* * *

«Опочивальня» представляла собой небольшое помещение, обставленное клетками, в которых прямо на бетонном полу, застеленном соломой, словно

зверушки, постанывая и поплакивая, ютились самые разнообразные девушки. Толстые и худые. Страшные и красивые. Темнокожие и бледнолицые.

Таких комнат было несколько. Меня втокнули в одну из них и заперли дверь на замок. Я была восьмой пленницей, заключенной в ржавой клетке вместе с остальными невольницами в этой комнате. Благо тут было чисто и практически не было неприятных запахов. Рядом лежало шерстяное одеяло, а там, в углу клетки, стояло ведро... для испражнений.

Мои соседки выглядели измученными и истощёнными. Кожа некоторых девушек была изувечена синяками и ссадинами. Если честно, их даже трудно было назвать людьми. Девушки больше напоминали несчастных зверушек, с отчаянием ожидающих утреннего забоя.

Никто из рабынь не разговаривал. Девушки якобы спали.

Но нас самом деле они просто притворялись. После того, что довелось им вытерпеть здесь, в самом эпицентре ада, вряд ли бы у них получилось закрыть глаза и расслабиться. Как и у меня.

Даже когда Сатир, осмотрев невольниц перед отбоем, выключил свет, я ещё долго не могла сомкнуть глаз. Лишь под утро немного вздремнула. И причина была не в боли в саднящем горле, а в завтрашнем дне. Так как нехорошее предчувствие буквально изнутри разъедало каждый мой орган. Мне следовало бы поспать и набраться сил... перед очередной кошмарной встречей.

* * *

Надеяться на завтрак было глупо. Судя по худосочному телосложению некоторых рабынь, кормили тут не каждый день. Везло не всем. Только избранным.

С рассветом меня бесцеремонно выдернули из клетки и куда-то потащили. А именно – в другое крыло, которое находилось в нескольких метрах от «центрального здания».

На бледно-голубом небе появились первые солнечные лучи, которые своим тёплым светом озарили обширные владения, принадлежащие самому ужасному существу в мире. Вместе с солнцем проснулись и обитатели прекрасного сада, запев сладкие песни, от которых на душе сделалось ещё тоскливее. Воздух был наполнен свежестью и прохладой. Пройдя несколько шагов в своём тонком платье невольницы, я промёрзла до самых костей. Пользуясь случаем, я мельком осмотрела местность, в надежде найти хоть крошечный шанс на спасение.

Тщетно. Владения Дамира охранялись высоким металлическим забором, который сплошь был утыкан камерами и головорезами в масках, вооружёнными до самых ушей. Более того, некоторые бандиты патрулировали территорию поместья в сопровождении специально обученных собак.

В соседнем здании, в компании незнакомой девушки-медсестры, меня встретил Завир, сопроводив в некую комнату, битком набитую медицинским оборудованием. Такую вычурную технику я видела только по телевизору.

– Сначала возьмём анализы, потом – прививки, а потом – осмотр, – бегло отчеканил докторишка, усаживая меня на кушетку.

Впервые в жизни у меня взяли кровь. Я ничуть не испугалась. Всё-таки выживание в трущобах научило меня преодолевать свой страх и, как следствие, выработать некую устойчивость к боли.

Закончив с анализами, девушка-медсестра усадила меня в специальное кресло для гинекологического осмотра, предварительно зафиксировав руки и ноги в неподвижном положении ремнями. Сжимая в руках кожаную плеть, за всем этим унижением внимательно следил Сатир. Видимо, на случай если надумаю сопротивляться. Но я прекрасно понимала, что если уж бунтовать – то до смерти. А пока ещё в сердце теплился шанс отыскать надежду на спасение. Может быть попробовать втереться к кому-нибудь в доверие?

Зажмурив глаза, я постаралась подумать о чём-то хорошем, пока старикашка в тюрбане ковырялся в моей промежности, оценивая качество нового «товара». Всё это он, между прочим, делал на виду у Сатира. Я думала, что и этот осёл решит подергать на халяву, насладившись моим позором, но бандит продолжал стоять, как статуя, периодически почухивая область ширинки, когда доктор отворачивался. По расширенным зрачкам парня я поняла, как сильно он меня

хочет.

Когда холодные пальцы медика касались моей промежности, погружаясь внутрь, я испытывала ни с чем не сравнимые отвратительные ощущения. Мне было неприятно. Некомфортно. Даже чуточку больно. И я поймала себя на страшной мысли: что же будет тогда, когда Дамир возжелает отнять у меня мою девственность?

Думаю, при первом же соприкосновении его гигантского члена с моей хрупкой девочкой, я сразу же упаду в обморок. Я не выдержу его грубости и его давления. Он меня порвёт. Это ведь очевидно! А я... я испытаю новые вершины ни с чем не сравнимой боли.

Закончив с осмотром, Сатир проводил меня обратно в камеру.

Напоследок докторишка огласил:

– Визуально ты абсолютно здорова. Даже вшей нет. Дождёмся результатов анализов, и тогда Господин может смело распоряжаться твоим телом.

Старый ублюдок! Для тебя я тоже вещь?! Тоже игрушка?

«Даже вшей нет...»

Ничтожество! Ненавижу вас!

Да чтоб вы все в одном большом котле ада утонули.

* * *

День тянулся очень медленно и мучительно. Пленниц приводили, уводили и снова все повторялось. Некоторые возвращались со свежими побоями, а одна... и вовсе не вернулась. Лежать, предвкушая собственную казнь, хуже самой казни.

Охранники пришли за мной ближе к обеду следующего дня. Я надеялась, что Дамир попросту забыл о моём существовании, оставив гнить в клетке на корм

крысам, но мои надежды превратились в прах. Сатир сказал, что анализы пришли очень хорошие, но для улучшения общего физического состояния мне порекомендовали наладить питание, так как мой организм достаточно сильно истощён. В остальном – всё прекрасно и Господин ожидает новую игрушку к вечеру, в своих персональных покоях.

После последней фразы я почувствовала, как моё сердце провалилось куда-то в желудок, в глазах потемнело, а лёгкие – превратились в твёрдый гранит. И снова я оказалась в банной с теми же грубыми женщинами и охранником-извращенцем, который и в этот раз принялся рукодельничать ещё до того момента, как я сняла одежду.

Сегодня мерзавец кончил дважды. Если бы не приказ Дамира «о неприкосновенности», драчун уже бы с ног до головы отымел моё нетронутое тело самыми ужасными способами.

* * *

Этого момента я боялась больше всего на свете... Этот момент мне снился каждую ночь, являясь в самых страшных кошмарах.

Чистая, выкупанная в ароматных травах, с идеально расчёсанной, ниспадающей до самой талии копной тёмно-русых волос, одетая в прозрачный пеньюар нежно-голубого цвета, босая, я шагала по лестнице, навстречу вечным мукам.

По пути приходилось уворачиваться от грубых ручищ головорезов, что норовили схватить меня за грудь или попу. Один из них попытался ущипнуть меня за промежность. Прикрывая грудь руками, я поднялась на самый последний этаж здания и попыталась взять под контроль сумасшедшую дрожь, что холодными волнами накатывала по всему телу. Главное, не поддаваться истерике, иначе будет только хуже, если я попытаюсь разгневать тирана.

Сегодня возле хором Барона дежурило уж слишком много охранников. Или это они специально собрались на меня, ничтожную, поглазеть? Мерзавцы весело присвистывали, приветствуя новую шлюху, подзывали меня к себе бранными словами, поливали грязью и запугивали. Но я по-прежнему старалась не реагировать на провокации недоносков, во избежание негативных последствий.

Сатир провёл меня в уже знакомую комнату, напоминающую один большой и шикарный музей, усадив на огромную двуспальную кровать, застеленную шёлковыми простынями. Сердце в груди колотилось настолько сильно, что я даже не слышала, какие гадости выплёвывает мне этот озабоченный подонок. Дамира в покоях не было. Его приход ожидался с минуты на минуту.

В этой ужасной, полностью прозрачной ночнушке, я чувствовала себя словно без кожи. К величайшему огорчению мне сообщили, что если я «буду послушной игрушкой и «сделаю Господину приятно», то, возможно, меня переведут на «уровень выше», величав одной из «элитных шлюх Господина». А это означает, что меня будут лучше кормить, одевать и переведут в более комфортные покои с кроватью. Даже иногда позволят гулять по саду и отдыхать. Но я должна буду всегда носить эти вульгарные, безвкусные тряпки. Разумеется, без белья.

Ухмыльнувшись, Сатир приблизился к моему лицу... Я вздрогнула, когда услышала звонкий щелчок и ощутила прохладную сталь на своей шее.

Ошейник! Сукин сын надел на меня ошейник! С цепями!

Как дворовой шавке.

– Ну вот, теперь ты готова. Красотка... Господин будет доволен! – с этими словами безликий натянул цепь таким образом, что меня по инерции бросило на ковёр.

Боже, смогу ли я выдержать все эти пытки?

Думаю, вряд ли... Какие ещё сюрпризы, помимо ошейника, мне следует ожидать? Кажется, самое ужасное только начинается.

Привязав поводок к ножке кровати, Сатир направился к выходу, с ехидной усмешкой, бросив мне на прощание:

– Ты уж постарайся по полной программе ублажить нашего босса. Может, он станет добрее. Можешь, к примеру, полизать ему яйца, он от этого страсть как кайфует.

Как бы я ни старалась, как бы ни умоляла себя успокоиться, но мне бы и жизни не хватило, чтобы смириться с тем, что моим первым мужчиной станет не человек, а самое настоящее омерзительное чудовище.

Глава 5

Днём ранее

Перепрыгивая через ямы в раздроблённом асфальте, которые до самого предела были заполнены грязью и дождевой водой, оборачиваясь на любой шорох в округе, я спешила убраться прочь из тёмных улиц трущоб, от греха подальше... Как обычно, тут витали самые отвратительные запахи, от которых буквально выворачивало наизнанку, к которым за все свои никчёмные девятнадцать лет я до сих пор не могла привыкнуть, как и к такой же ужасной погоде.

Дожди, дожди, дожди! Климат здесь полностью соответствовал атмосфере. Поэтому тут всегда так дождливо, убого и жутко пахнет отходами. Я покидала бараки весьма редко, используя маскировку – грязную, поношенную одежду, чтобы никто из жителей трущоб не догадался, что я девушка. Молодая, привлекательная и, самое главное, невинная. Попадись я на глаза какому-нибудь недоброжелателю, меня бы тут же продали. Или в бордель. Или, того хуже, в личное пользование Барону. А он, между прочим, не знал о моём существовании. Моя мать родила меня втайне. Она ничего не сообщила зрителям трущоб. Сказала лишь то, что ребенок родился мёртвым.

Барон знал о своих рабах всё. Сколько душ проживает в трущобах. Кто когда рождается, умирает. Когда к нему привезут новую партию мучеников из всех закутков мира... и так далее.

Как родились на свет трущобы, спросите вы? И что это вообще за место? Я знаю, но примерно, поскольку никогда не покидала их стен. Это огромный и очень грязный город, что построили на богом забытом острове, много лет назад. Построил его отец Дамира. Очень богатый и гадкий человек. А после своей кончины передал бизнес наследнику. Какой бизнес? Об этом вы скоро узнаете.

Основной доход они получали от плантаций, золота, проституции. И до сих пор жили припеваючи, безнаказанно. Конечно лишь потому, что вовремя затыкали рты своим материальным состоянием представителям правопорядка.

Всем своим сердцем и душой я верила в то, что когда-нибудь я всё же смогу выбраться из этой вечной тюрьмы безысходности, выкупив у владельца трущоб свой заветный ключик в мир свободы, что стоил всего-то... десять тысяч баксов. Заплати эту дань Господину, и ты свободен! А если денег нет – ты вечный раб империи. Родился в трущобах. Там же и умрёшь. От голода, холода, тяжёлого труда. Или, тебя просто съедят. Такие же голодные, обреченные мученики. А может быть, перережут глотку в переулке за кусок чёрствого хлеба, и ограбят.

Мой отец умер совсем недавно. Теперь я одна. И должна сама о себе заботиться. Поэтому мне пришлось покинуть стены нашей хижины и отправиться на поиски работы. До этого момента о моём существовании не знал никто, кроме близких людей.

Родители, пусть земля им станет пухом, запрещали мне выходить из «дома», потому что боялись за мою жизнь. По крайней мере так они объясняли свои запреты. На самом деле просто выжидали удобного момента... Чтобы меня продать. Какому-нибудь богатенькому наркоману-извращенцу для личного пользования, с надеждой купить себе вольную.

Дочь шлюхи и раба... Как же позорно это звучит!

Мать погибла буквально за неделю до кончины отца, выполняя привычные рабочие обязанности. А именно – обслуживая одну из элитных банд-головорезов, решивших вечером заскочить в бордель, чтобы развлечься. Местные бандиты, явно перебрав с выпивкой и наркотиками, всей своей плешивой ордой имели мою мать до последнего удара сердца. А затем, словно мусор, выбросили её тело на ближайшую помойку.

До утра она не дожидала.

А им что?

Им, естественно, ничего!

Таким тварям в грязных трущобах закон не писан.

Отец сутками вкалывал на плантациях, выращивая отборную дрянь для главного мафиози притона. Честно, я даже не знаю истинной правды... был ли мой отец моим биологическим отцом? Или моя мать на самом деле забеременела от одного из своих клиентов. Так как ни внешностью, ни характером на отца я не была похожа.

Всеми фибрами своей души я отчаянно мечтала вырваться из этой грязной дыры и устремиться на поиски лучшей жизни. К тому же, мне всегда хотелось стать кем-то более лучшим, чем шлюхой или сборщиком губительной отравы, а не идти вслед за стадом. Я хотела получить образование, найти достойную работу, стать именно личностью, а не мусором. Но я не знала, есть ли жизнь за пределами трущоб. Или же весь мир, как наши помои, одна сплошная и чёрная пропасть.

Я родилась и выросла в трущобах. Отец практически никогда не позволял мне покидать наш барак, так как боялся, что меня украдут в один из тех борделей, в котором погибла моя мать. Потому что он считал меня очень привлекательной девушкой с редкой внешностью, так как здешние женщины не сверкали красотой. Они были отбросами общества – проститутками, попрошайками, беспризорницами, которых, за скромную награду от Барона, свозили сюда как бесплатную рабочую силу из разных закоулков мира.

Природа наградила меня длинными, слегка волнистыми волосами цвета некрепкого кофе, большими серо-голубыми глазами, обрамлёнными длинными, чёрными ресницами, идеально ровным, слегка вздёрнутым носом, полными, бледно-розовыми губами, нежной, весьма бледной кожей, и худощавой, от хронического недоедания, фигурой.

Моя мать была русской, а отец – кавказских кровей.

Характерная, местами вспыльчивая, я мечтала отыскать путь к свободе любыми возможными способами. В настоящий момент, из-за длительного безденежья, я страдала анорексией, чуть ли не до ежедневных обмороков. Отец ведь перед смертью не позаботился о такой мелочи, как оставить единственной дочери хотя бы немного средств на существование, и до последней копейки спустил все наши скудные пожитки на дозу самой дорогой и самой отменной дури. Которая,

в последствии, его и погубила.

Денег не хватало даже на похороны. Его тело, вместе с отходами, просто бросили в канализационный сток и спустили в океан. Наверно он это заслужил. Чтобы его похоронили как мусор.

Наблюдая за тем, как то, что осталось от отца, стремительно уноситься вдаль по стоку, я осознала, что осталась совершенно одна в этом жестоком и бездушном мире. Надеяться на чудо, молиться, просить помощи – бесполезно. Одна надежда – только на себя.

Как же сильно я мечтала о другой семье, о других корнях, обществе и, конечно же, о другой судьбе. Любили ли мои предки друг друга? Или просто объединились, чтобы выжить и разделить между собой свой скудный заработок? До сих пор оставалось загадкой.

Как можно искренне любить шлюху? Которая за день может обслужить целую роту убийц и маньяков? Ну а наркомана? Разве можно любить того, кто за один нух способен продать собственную дочь в пожизненное постельное рабство?

Вот и нашёлся ответ.

До дня их смерти они лишь притворялись заботливыми родственниками, а после... преподнесли мне фантастический сюрприз. На самом деле отец долго сдерживался, чтобы не отдаться зависимости. Он работал на плантациях уже более двадцати лет, что считалось рекордом, который можно было смело регистрировать в книге «Гиннеса». Однако, в один ужасный миг он сдался и сорвался, спустив все наши сбережения на один грамм супермощной отравы. А затем, заложив мою жизнь в долг для получения последующей дряни, и вовсе, свёл концы с концами.

Таким образом, я пришла к выводу, что они осознанно скрывали моё существование, надеясь однажды получить свою свободу, в обмен на мою. Ведь молоденькие девственницы, ещё и привлекательные, достаточно дорого оценивались бандитами.

Хотели ли они мне добра?

Любили ли они меня?

Скорее нет, чем да.

Они растили меня практически в полной изоляции, запертой в тесной бетонной конуре, в которой мы всей нашей «счастливой» троицей влачили своё жалкое существование. А проживало наше семейство в закрытом бандитском посёлке, в котором нас использовали как рабов, содержа в грязных бараках, огороженных колючим забором, находящимся под током. Тех, кто пытался бежать, жестоко расстреливали.

Ничтожные рабы... Они потели с утра до ночи практически задарма. Кто на плантациях, кто в борделях, торгуя телом, ну а счастливчики – на заводах и фабриках. Помимо наркотиков, в трущобах производили отменные ювелирные украшения и шёлк высшего качества, что за бешеные суммы продавались богачам, прибывающим на остров из-за рубежа в роли клиентов.

Наш тяжелый труд оплачивался лишь скудной порцией еды, или какой-никакой, но крышей над головой. Мы рождались для того, чтобы работать. Во благо одного очень злобного мафиози, который и управлял этим страшным местом.

Имя его – Дамир.

Но местные бандиты величали главного Бароном. А жители Грязных трущоб – монстром и демоном. Ведь это место целиком и полностью принадлежало ему. Сюда свозили людей из самых разных уголков мира. В основном это были брошенные, никому не нужные лохмотники вроде бездомного, разорившегося, спившегося сброда. О существовании которых никто не знал. Которых, тем более, никто даже не будет искать.

* * *

Сегодня я сделала то, что не хотела делать. То, что, не позволяла мне совесть. Но оказавшись на пороге голодной смерти, я готова была на всё. Даже на то, чтобы продать душу дьяволу, за килограмм картошки. Потому что голод... хуже смерти. Когда человек голодает, он превращается в зверя. В агрессивный, вышедший из ума будущий труп. И ему становится плевать на всё. Включаются

инстинкты самосохранения. Разум растворяется в аффекте. И находясь в таком состоянии ты забываешь о том, что ты человек. Вплоть до того, что становишься убийцей.

Ради чего?

Ради какой-то там корки сухаря.

Как бы отчаянно я не тянулась к лучшему, моя судьба была предрешена голодной гибелью. Сегодняшним вечером я решилась на отчаянный шаг – продать себя. За возможность просто жить. За возможность просто дышать. Даже несмотря на ту атмосферу, в которой я родилась и выросла, жить мне хотелось безумно.

В нашем бараке был телевизор, подаренный постоянным и весьма щедрым клиентом матери. Эта вещь стала моей единственной в жизни отдушиной. Просиживая сутками у экрана, я пыталась хоть немного обучиться грамоте. Ведь в школу я не ходила. Не потому, что мы не могли себе это позволить, а просто потому, что в Трущобах не было высших учебных заведений. А зачем рабам грамота? Чем тупее человек, тем лучше им управлять.

Там, по ту сторону монитора, я видела другую реальность. Идеальный, совершенный мир... В котором царил безупречный порядок, доброта и гармония. В котором люди не избивали друг друга до полусмерти за кусок сухаря, не брали женщин прямо на грязных тротуарах, не унижали за цвет глаз, кожи, или же врождённые дефекты внешности. В Трущобах весь этот кошмар был привычным делом. В трущобах людей принимали за скот, за дешёвую рабочую силу. Поэтому мне так отчаянно хотелось перешагнуть через непреодолимые стены вечной неволи и устремиться в лучшее будущее. В тот красочный мир, который я наблюдала с экрана старенького, хрипящего телевизора. В тот мир, в котором было так живописно и так прекрасно. В тот мир, который являлся для меня самой настоящей иллюзией, мечтой, или же... сладким сном.

* * *

Как я уже говорила, чтобы выжить, мне пришлось пожертвовать своей честью. Да, как бы унижительно это ни звучало, только что я продала свою

девственность. За место на ювелирной фабрике.

Госпожа Джалил, начальница ювелирного цеха, оценив внешние данные «товара», с радостью приняла сделку, устроив меня «под своё крыло» в одном из самых престижных заводов трущоб. Условие: я отдаю свою невинность полностью в её распоряжение, а она – навечно закрепляет за мной место на фабрике. Кто будет покупателем, пока неизвестно. Она дала мне время до того момента, пока не найдёт клиента, и ещё пятьдесят баксов аванса. Так что при виде такой баснословной купюры я готова была прямо сейчас хоть ей отдаться, хоть первому встречному, ибо мой бедный желудок уже до сквозных дыр сам себя же и прогрыз.

К счастью, клиенты мадам Джалил являлись весьма солидными, обеспеченными мужчинами – заграничными гостями, а не местными головорезами и убийцами, какими буквально кишел проклятый остров. Так что мне не стоило волноваться по поводу своей жизни. Одна кошмарная ночь, и в моих руках престижная работа. А если соглашусь на дальнейшее сотрудничество – меня ожидает полная безопасность, крепкая крыша над головой, полноценное питание и море внимания.

То есть, Джалил просто предложила мне стать одной из «элитных шлюх», обслуживающих клиентов, прибывающих из других стран, для заключения сделок с Дамиром о покупке украшений или эксклюзивной одежды для своих жён и пополнения коллекций собственных магазинов. До такого уровня я не хотела опускаться. Ведь, как бы там ни было, я считала себя личностью, неумолимо жаждущей выкупить собственную свободу. И да, рабства можно избежать. Нужно лишь заплатить каких-то там десять тысяч долларов в качестве пропуска за стены трущоб.

Каких-то там...

Ну, да!

Проще повеситься, чем стать свободным. Потому что мой отец, потев с утра до ночи, зарабатывал по одному доллару в день, а мать – по два. Но иногда, если попадался щедрый клиент, максимум до пяти. Но, ради более лучшего спроса на «товар», половину суммы своего дохода, она спускала на новые тряпки, и косметику, чтобы выглядеть как можно краше, торгуя собой направо и налево.

На заводе не позволялось расхаживать в лохмотьях, заляпанных грязью. Как это делала я. По причине того, что не хотела привлечь к себе излишнего внимания. А ходила я в старых поношенных джинсах, которые буквально спадали с впалого живота, отчего приходилось несколько раз подвязывать их верёвкой к такой же потрёпанной толстовке с капюшоном, благодаря которой я казалась толще обычного. Волосы скручивала в тугий жгут, прятала под кепкой с широким козырьком, закрывающим лицо, а на ногах носила рваные кроссовки на три размера больше моего реального размера стопы. Одежду я донашивала за отцом. Поэтому и выглядела как никому не нужный беспризорник, от которого пахло отнюдь не французскими духами. Но это была моя тайна. Которая всегда срабатывала. Которая, по сей день, сохранила мне жизнь.

Глава 6

На улице практически стемнело, но я всё ещё успевала до закрытия хлебной лавки. Мягкая, слегка шершавая купюра в пятьдесят баксов приятно шелестела в моих руках, когда я с жадностью сжимала её в дырявом кармане своей поношенной толстовки. Для нашей семьи, эта сумма расценивалась как целое состояние, на которое можно было месяц жить без особых забот. Признаюсь, банкноту такого масштаба я держала в своих руках впервые в жизни, отчего приятная нега растекалась по всему телу, а желудок радостно сжимался, предвкушая в скором времени полакомиться тёплой выпечкой.

Последний раз я ела три дня назад. Моим ужином были объедки, найденные в мусорном баке, вблизи одной из забегаловок трущоб. Практически целый, но покрытый плесенью сэндвич... За право обладать которым я едва не подралась с бродячим псом, заработав несколько приличных укусов в области запястья. А пёс, в свою очередь, заработал несколько сильных ударов металлической крышкой мусорника по голове, после чего, трусливо поджав хвост, быстро удрал с места сражения.

Кажется, я выбила ему глаз. Этим варварством я не гордилась. Но когда испытываешь ни с чем ни сравнимое чувство голода... похер становится абсолютно на всё. Я бы и им с удовольствием перекусила, если бы не забыла дома нож.

* * *

Осталось несколько кварталов до пекарни. Я оборачивалась на каждый малейший шорох, страшась того, чтобы, не дай боже, не столкнуться с бандой зрителей. Но своими мыслями, я сама призвала к себе беду. Как говорится, то, чего боишься, сбывается.

За долю секунды до того, как на меня полетел водопад из помоев, выплеснутый с верхнего этажа пятиэтажной фавелы, я всё же успела отскочить в сторону. Заприметив случайного прохожего, невольно попавшего под раздачу, проститутка с ведром, чьи ярко выкрашенные волосы были нашпигованы бигуди, выругалась мне вслед так грязно и грубо, словно это я её шлаком окатила, а не она меня. Похоже, в этом районе не было системы канализации. И туалетов, соответственно, тоже. Поэтому рабы испражнялись прямо на улице, просто выплёскивая содержимое «унитазов» на проходящий мимо сброд.

Трущобы делились на «зоны»: низшую, среднюю и премиум класса. Мы жили на границе низшего и среднего сектора, в бетонном бараке без окон, с одной комнатой. Отец собирался добиться нашего перевода в фавелы, в «средний класс», где я, собственно, в данный момент и находилась, двигаясь в сторону пекарни, но ему не хватало выдержки. Он сдался. И отдался зависимости, так и не осуществив обещанное, потому что он оказался жалким трусом и слабаком. Но самыми «элитными» апартаментами считались многоэтажки класса «люкс» в секторе «один», где было чисто, уютно и относительно безопасно. Проживали там в основном рабочие, которые с утра до ночи потели на ювелирных фабриках, или же «элитные шлюхи».

Эта зона надёжно охранялась. Допуск осуществлялся по специальным пропускам. Господин Дамир внимательно следил за здоровьем рабочих «класса люкс», остерегаясь какой-либо заразы, которую носил в себе каждый второй «гражданин трущоб». Главный убудок внимательно следил за санитарной обстановкой на заводах (в особенности за обстановкой на пищевых блоках) и не допускал к работе сброд из «низшего класса», чтобы избежать угроз не только своему здоровью, но и здоровью своих уважаемых клиентов. Поэтому перед началом рабочего дня каждый из невольников проходил предварительный медосмотр с дезинфекцией.

* * *

Показав средний палец шалаве с бигуди, я со всех ног бросилась наутёк, петляя между темными переулками, пока не выскочила на дорогу. Как вдруг...

Яркий свет фар резко ударил в глаза, ослепив меня до потери ориентации, так неожиданно, что я даже не сразу ощутила острую боль в животе, когда налетела на нечто холодное, скользкое, и как камень твёрдое.

На улице моросил мелкий дождь. И от этой «фантастической» погоды я, кажется, ослепла. Поэтому и не увидела чертов автомобиль, что выскочил мне навстречу и едва не превратил моё тело в лепешку. В висках противно пульсировало, мышцы ломило от кошмарной боли, а в живот будто воткнули острый кинжал, который медленно и мучительно прокручивали там изнутри.

Прежде, чем я успела осознать, что лежу на капоте огромного, бронированного внедорожника, меня резко схватили за шиворот и грубо швырнули обратно на асфальт. Во время падения кепка слетела с головы, а тёмно-каштановые волосы хаотично разметались по разбитой поверхности асфальта.

Больно ударившись копчиком, я тихонько взвизгнула, рассматривая две огромные фигуры, склонившиеся надо мной с таким отвращением, словно я была не человеком, а насекомым, по которому они мечтали потоптаться ботинкам, за то, что я посмела заляпать грязью их «железное имущество».

– Твою ж мать! Эта сучка мне тачку поцарапала! Смотри! – я услышала хриплый мужской голос и мысленно вскрикнула.

– Да вижу я, бл*ть! – отозвался второй незнакомец, с виду казавшийся бесконечно высокой скалой.

Мужчины, чьи размеры и внешний вид внушали моему сознанию бесконечный страх, осмотрев машину со всех сторон, снова повернулись в мою сторону. Один из амбалов (тот, что был покрупнее) присел напротив меня на корточки и, угрожающе оскалившись, резко схватил меня за волосы.

– Прошу... Не бейте, – отчаянно взмолилась. – У меня есть немного денег. Я дам вам всё, что попросите.

– Ммм... Всё, говоришь? – хохотнул тот лысый недоносок, что держал меня за волосы, будто за поводок, и в его огромной ручище вспыхнул небольшой фонарик, который он направил мне точно в лицо, с целью получше изучить мою внешность. – Как насчёт твоей дырки?

О Боже... Только не это!

Я отчаянно забились в его грубых тисках и всеми возможными способами пыталась выкрутиться из мертвой хватки бандита, как вдруг ублюдок, глядя на мои жалкие попытки выкрутиться, возбуждился ещё больше.

– Слышь, Самир, а эта бомжатина ничего. Если отмыть, вполне сгодится на разок оттянуться. Ставлю сотню, что доходяга всё ещё целка! – прошипел второй бандит, который, прижавшись задом к капоту, деловито скрестив руки на груди, склонив голову на бок, рассматривал меня своим опасным и угрожающе прожорливым взглядом. Таким, которым обычно голодный волк караулит отбившуюся от стада овечку.

«Дружок» же, с причмоком облизав пересохшие губы, громко зарычал мне в лицо очередные гадости, опаяя мою кожу тошнотворным перегаром, от которого я едва не задохнулась:

– О да, приятель! Ты прям мысли мои прочитал. Чур я первый на очереди.

Мерзавцы явно перебрали с выпивкой. А я... я, кажется, попала в сети к элитным наемникам и верным шавкам Наркобарона. Крепкая рука бандита по имени Самир с силой рванула меня вперёд, вздёргивая на ноги. В этот переломный момент, теряя страх, я до болезненного щелчка в суставах сжала руки в кулаки, и со всей силы врезала коленом ублюдку между ног. Мне показалось, или я услышала хруст. Напоминающий тот, с которым яйцо падает на пол и разбивается.

– Сукаааа! – лысый взвыл от боли, но хватку в области волос не ослабил. Вместо этого он замахнулся и с силой ударил меня по лицу, повторно отправив на капот автомобиля. – Дрянь...

Адреналин ударил в голову. Я не сразу ощутила эту адскую боль в полном объёме. Шлёпнувшись на спину, внутренне сгорая от нахлынувших, как огонь,

ощущений, я едва не лишилась чувств.

– Давай уже, бери её быстрее, пока стерва в отключке. Не то ещё хозяйство твоё отобьёт. Ах-ха-х! Вишь какая характерная попалась! Поручи, млять, как следует эту вшивую выдру. Будет знать, как кочерыжками своими махать! – морально забавлялся второй головорез, глядя на то, как его напарник скачет будто безлапый кузнечик, обеими руками придерживаясь за своё, вероятно, уже припухшее достоинство.

Хорошо я его треснула! Была бы возможность – кастрировала.

Пока я пыталась опомниться после удара, Самир перестал поскуливать и быстро навалился на меня сверху. Вдавил в капот всем своим внушительным весом и прорычал:

– Ну и несёт от неё... Слышь, Ашот, может на хрен такую? Пусть бомжей развлекает. Лучше в бордель толкнём. Или Хозяину нашему на забаву. Если целка – дофига за такую рожу светит.

На что напарник с сарказмом ответил:

– Да ну, тебе ж не привыкать мусор драть. Гандон надел и вперёд! Или чё, очкуешь?

– Не. Просто брезгую.

– Тогда отойди. Я первым попробую... – скомандовал Ашот, уверенно отталкивая друга в бок, занимая его место, – Если и правда тугая, тогда, тем более, лучше боссу на забаву отправить.

– Согласен.

– Но в зад я по-любому вдую... Даже если стерва окажется целкой, что маловероятно в этом мусорнике.

– Не факт! Судя по лохмотьям, она будто всю свою жизнь кувыркалась в контейнере с помоями. Сто процентов не порченная, – омерзительно хрюкнув в

ухо, мерзавец ещё сильнее вдавился всем своим внушительным весом в моё тело и прошёлся руками по одежде, намереваясь нащупать пальцами пояс моих штанов.

Я, тем временем, снова попыталась боднуть урода коленом. На что амбал ловким рывком перевернул меня животом на капот и наградил мощным шлепком по ягодицам, чтобы я осознала всю серьезность данной ситуации и смирилась с неизбежным. К тому же, насильник заломил мне руки за спину, выдернул ремень из своих брюк и крепко связал запястья.

Оторвав саднящую щеку от мокрого, от дождя железа, я снова попробовала освободиться, но тут же получила ещё один удар. Головой о капот. В глазах замелькали чёрные пятна. А когда мигрень более-менее успокоилась – я почувствовала, как нечто твёрдое, вытянутой формы, настойчиво прижалось к моим зудящим ягодицам.

– Чёрт! Проверь стерву! Дышит ли? Не перестарался? Хочу, чтобы она была в сознании, когда я буду драть её во все её грязные щели.

Видела я плохо. Как в тумане. Но зато очень хорошо слышала. Каждое слово бандитов будто острым скальпелем втыкалось в виски. А когда руки домогателя рывком стянули с меня штаны, я громко закричала. По щекам хлынули слёзы. В лицо снова ударил яркий свет фонаря. Я зажмурилась, попыталась отвернуться, но голова будто весила целую тонну.

– погоди, бро! А это не та курва, которую мы уже с полвечера ищем? – прокуренным басом прохрипел тот монстр, который тыкал мне в лицо фонариком.

– Ты уверен? – недовольно рявкнул второй изверг, жадно сминая мои ягодицы жесткими пальцами и поглаживая пульсирующей головкой члена всё ещё нетронутую щёлочку.

– Сам глянь.

– Бл*ть! – утырок нехотя спрятал член в штаны и склонился над моим лицом, брезгливо отбрасывая мокрые пряди волос с травмированной щеки. – Охренеть... Походу реально она!

С невероятным усилием я приоткрыла веки, и попыталась прислушаться, чтобы понять, о чем они там шепчутся и почему вдруг замешкались. Как вдруг, я заметила в руках одного из головорезов некую карточку, напоминающую фотографию. Мою фотографию. Я узнала эту вещь. Это было то самое фото, что было сделано на карточный фотоаппарат, который отец когда-то давно нашёл на свалке и сумел починить. На тот момент, во время «фотосессии», мне было шестнадцать лет.

– Слышь, убогая! Как звать-то тебя? «Милана?» – спросил Самир, махнув карточкой перед моим лицом.

Я не ответила. Лишь моргнула и облизала кончиком языка солоноватую на вкус жидкость, стекающую по разбитой губе прямо на грязный капот автомобиля.

– Она это! По глазам вижу! – ответил второй, потирая ладони друг о друга, пытаясь согреться.

– Ой, да пофиг вообще. Берём швабру и к боссу валим. Скажем – она. Вроде похожа. Грязь отмоем, переоденем. Будет точной копией. Вот только с трахом облом.

– Ах-ха! Рискни давай! И у тебя больше никогда не встанет. Просто потому, что Дамир подрежет твоё главное хозяйство «под самый корешок», если ты хоть одним глазком вздумаешь посягнуть на его собственность.

– Заткнись ты! Дай хоть на зад вздрочну. Или придётся в бордель тащиться. Возбуждился, млять. Капец как! Аж яйца до рези скрутило! – зашипел недоносок, снова пристраиваясь позади меня.

– Давай быстрее. Жрать и спать охота.

По крайней мере я позволила себе немного расслабиться и выдохнуть, потому что мерзавцы передумали лишать меня невинности. Но это не могло радовать... Ибо я зачем-то понадобилась главному мафиози трущоб. Который, по сути, вообще не должен был знать о моём существовании. Ведь родилась я незаконно, без ведома предводителя. Как и проживала, соответственно, тоже.

Мать родила меня тайно. На месяц раньше положенного срока. Рожала дома. А когда родила, сказала, что ребёнок родился мёртвым. План матери был идеально продуман. За день до моего рождения у маминой лучшей подруги начались схватки. Её подруга тоже была на сносях. Она произвела на свет близнецов. Но один младенец родился слабым и умер через пять минут после рождения. Поэтому подруга передала погибшего малыша маме, а та, в свою очередь, отнесла его головорезам-смотрителям, выдав за меня.

* * *

Прокусив губу до боли, я невольно вздрагивала, ощущая грубую хватку в области промежности. Не стесняясь ни друга, ни совести, ублюдок, одной рукой – нагло щупал мои половые органы, а другой – мастурбировал. Через минуту этих отвратительных пыток я услышала громкие мужские стоны. А ещё через секунду почувствовала, как нечто липкое, хаотичной струёй выстрелило в ложбинку между ягодиц.

Грязный подонок! После того, как мерзавец обкончал мои ягодицы спермой, он снова натянул на меня штаны, оторвал от капота, перебросил через плечо моё непослушное тело и понёс к машине. После нескольких ударов головой я плохо ориентировалась в реальности. А когда затылком почувствовала мягкую обивку подголовника – моментально лишилась чувств.

Глава 7

Настоящее

Так я просидела ещё несколько долгих минут, вздрагивая при каждом малейшем шорохе. В конце концов снаружи покоев послышались голоса, дополняемые звучными шагами.

Я напряглась, обхватив дрожащее тело руками, прикрывая наготу, забившись в самый дальний угол между кроватью и тумбой, насколько позволяла удавка.

Золотые двери скрипнули. На пороге появился ОН. Демон в человеческом теле. И не один. В сопровождении двух упитанных тигров.

ТИГРОВ!

Огромных полосатых котят, величественно шагающих своими крупными лапами по белому ковру, порывивая, принюхиваясь, осматриваясь. Животные покорно следовали за своим хозяином. К их шеям крепились металлические цепи. Такие же, как и у меня. А сами ошейники покрывали острые шипы.

При виде всей этой безумной картины у меня поплыло перед глазами. Наверно, я стала белее бумаги. Это уж точно. Тело, волосы, и даже ногти покрылись холодной дрожью, когда Дамир нашёл меня своими чёрными, пропитанными ядом, глазами. В которых бушевал настоящий Апокалипсис.

– Цезарь, Графиня! Место! – рыкнул мужчина, привязывая «поводки» к ножкам дивана.

Кошки, оскалившись, послушно запрыгнули на диван, что находился всего в пяти метрах от моего парализованного страхом тела. Похвалив питомцев, Дамир направился ко мне.

Не дрожать!

Не дрожать!!

Не дрожать!!!

Мысленно приказывала я себе, ибо знала, что мой страх для Дамира, как наркотик, а мои крики – это его зависимость.

– Блять! – неожиданно, Дамир грубо выругался. – Игрушка, это ты, что ли? Поверить не могу! Да без грязи и глины на худосочном теле тебя прям не узнать.

Он просто мастер комплиментов. Ничего не скажешь...

Сегодня Дамир выглядел ещё прекрасней. И одновременно ещё ужасней. Его совершенную фигуру украшала чёрная кожаная куртка, наброшенная поверх крепкого, накачанного тела и модельные брюки, низко сидящие на узкой талии. На правой руке блестел золотой «Ролекс» и несколько перстней, инкрустированных драгоценными камнями.

Определённо, бандит знал толк в моде. Естественно, ведь Дамир считался одним из лучших ювелирных магнатов. Но особого внимание заслуживали его туфли, принтованные леопардовым узором. На лице мафиози по-прежнему была надета маска в виде полумесяца из серебра.

Мне вдруг захотелось узнать, что же под ней скрывается?

Шрам? Врождённое уродство? Родинка размером с яблоко?

Без понятия.

В ответ на грубое приветствие я ещё больше скукожилась и старалась не смотреть бандиту в глаза. Мне было очень страшно.

– Ко мне, игрушка! – не дожидаясь ответа, мучитель резко дёрнул меня за цепь таким образом, что по инерции я моментально упала животом на пол. – Ползи.

Тигры, уютно устроившись на диване, лениво зевнув, принялись наслаждаться забавным шоу. Испытывая сумасшедший страх, под пристальные взгляды хищников, я покорно подчинилась бандиту и, опустившись на карачки, на дрожащих конечностях направилась к мерзавцу.

– Хорошая девочка. Позволь-ка оценить новую безделушку. Поднимись! – повелевающе зашипел мужчина хриплым басом.

– Идеальна. – Лицо Дамира озарилось полным удовлетворением, а в глазах полыхнули молнии восхищения. – Одна доза недешевой дури, определённо, стоила твоего дивного тела. Немного костлявая... Но мы это исправим. А вот сиськи и попа – что надо.

Когда его властные руки упали на мои бёдра, сминая тонкую ткань пеньюара, я мысленно заплакала. Если бы деспот обращался со мной более обходительно, возможно, я была бы счастлива, чтобы он стал моим первым. Дамир был чертовски привлекательным мужчиной. Всё в его энергетике будоражило, опьяняло, сводило с ума... Особенно это красивое тело, модно стриженная борода, и даже запах. Его исключительный запах действовал на меня как дурман. От мужчины пахло кальяном, смешанным с запахом парфюма.

Помимо душистой травы в воздухе также витал и более едкий аромат. Вероятно, это было что-то наркотическое.

Его осторожные прикосновения поначалу даже немного расслабили. Дамир нежно притянул меня к себе, погладил спину, поясницу, бёдра и... сжал обеими руками округлые ягодицы.

Боже! Я практически застонала, удивляясь столь странной реакции. Благо сдержалась. Кажется, тиран это понял. Тогда же его мнимую нежность как ветром сдуло. Я не успела даже выдохнуть. Сильные руки тирана стальной хваткой сомкнулись на моих волосах, одним резким рывком отправляя на пол. В следующую секунду, шлёпнувшись на колени, я буквально ударилась носом в его твёрдый бугор, нагло выпирающий сквозь толстую ткань брюк.

- Давай, игрушка, закрепим вчерашний навык.

Меня рефлекторно затошнило. К горлу подступил острый ком, а глаза – увлажнились.

- Н-нет, прошу... – впервые, стоя на коленях перед врагом, я взмолилась о пощаде.

Но договорить не успела. Тяжёлая пряжка ремня ударила по моей макушке, а ненавистный звук ширинки на долю секунды лишил меня слуха. И вот, орудие пыток снова перед моим лицом. Дерзко упирается в губы, пульсируя, содрогаясь в явном нетерпении снова овладеть моим бедным ртом. Я попыталась отстраниться, но Дамир жестко дернул меня за волосы, удерживая в желаемом положении.

– П-пожалуйста, пощадите... – снова взмолилась, чувствуя себя полным ничтожеством, выклянчивающим помилование.

Но вместо сожаления я получила грубый шлепок членом по лицу и тут же смирилась с собственной беспомощностью.

– Заткнись! Привыкай, девочка, привыкай. Скоро это станет привычным делом, и ты не будешь так сильно бояться. Ты же боишься?

Как бы я не хотела казаться сильной, но в душе по-прежнему была слабым ребёнком.

Кивнула, роняя первую слезу.

– Всё правильно! На самом деле ты должна его бояться.

И он грубо вонзился в мой рот, одной рукой надавливая на скулы, другой – натягивая прядь волос до треска в корнях.

Металлические шарики пирсинга ровно заскользили по нёбу, заставляя меня почувствовать холодный привкус металла и запах мужской плоти на языке. Горячий, огромный, пульсирующий... он снова принялся скользить в моём горле, с каждым толчком проникая всё глубже и глубже, казалось бы, до самого желудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/star_dana/igrushka-iz-gryaznyh-truschob

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)